

ОСАДА ЗИМНЕГО ДВОРЦА

В шесть часов утра в Военно-революционном комитете все на ногах¹. Есть запись донесений: все вокзалы заняты, мосты в порядке, электростанция под надежной охраной, занят телеграф. В городе спокойно. В полках дежурные роты наготове, в районах и на некоторых заводах дежурят отряды Красной гвардии.

А телефонная станция?

Сведений нет. Выясняют, звонят в разные места. Собираются послать отряд. Однако является «связь» и сообщает, что сейчас занята телефонная станция: юнкерский караул не хотел уходить, но в конце концов испугался и все-таки ушел.

Что дальше? Начальство наше не появляется, но ясно, что хлопот будет немало. Надо пока умыться да раздобыть что-нибудь закусить, вечером-то об этом позабыли.

Умывшись и сходяв на Суворовский проспект за хлебом, я почувствовал себя совсем отдохнувшим и бодрым. Вооруженный народ, тоже кое-как подремавший, оживился — шли в столовую за кипятком, столовая была полна народа, ели и на дворе, на ступеньках крыльца.

Грузовики привозили в экспедицию газеты. Надо газетку добыть, но там очередь. Сейчас пошлют наверх, разнесут по учреждениям. Ладно, подождем. Пошел еще раз осмотреть Смольный, но не удалось, — началась какая-то тревога, бежали вниз люди и спрашивали:

— В чем дело?

— Говорят, казаки подступают к Смольному.

— Где казаки?

— Да нет их. Так, сдуру кто-то сбрыхнул.

— Нет, не сдуру. На Пальменбахской [улице] казаки.

Однако за воротами все спокойно, никто не беспокоится. Идем в сторону Невы, у монастыря спрашиваем караульных.

— Нет никого.

Для проверки идем до самой Невы — тишина и пустота. Ложная тревога, может быть, провокация. Возвращаемся и успокаиваем коменданта, который уже привел в ружье свои боевые силы.

---

¹ 25 октября 1917 г. *Ред.*

В Военно-революционном комитете очень оживленно.

— Что слышно? Как у вас дела?

— Ничего. Там совещаются.

Быстро идет Н. И. Подвойский с какими-то бумагами в руках.

— От ЦК поручение,— говорит он.— Надо покончить со штабом и ликвидировать юнкеров. Выделяется полевой штаб, которому и поручено это сделать: Бубнов, Антонов, Чудновский, Еремеев и я. Временное правительство надо будет арестовать. Сейчас будем совещаться, надо быстро обсудить. Имейте в виду, что уже напечатано объявление о переходе власти к Петроградскому Совету.

Собираемся в какой-то укромный уголок.

— С чего начнем?

— Нужен прежде всего план Петрограда.

Посылаются товарищи на поиски, и вскоре тов. Васильевский приносит нам план.

— Пусть Подвойский осветит обстановку. Николай Ильич, у тебя все нити в руках. Говори!

Николай Ильич суммирует сведения: на нашей стороне весь гарнизон, все рабочие. Вооруженной силы достаточно. Вокзалы, телефоны, телеграф — наши. На их стороне — батальон. Есть артиллерия. Нейтральны: 1, 4, 14-й казачьи полки, инженерный полк, Павловское училище, Михайловское артиллерийское училище, кавалерийские полки, артиллерийская кавалерийская бригада, Инженерное училище, самокатный батальон, автомобильная школа, один автобронеполк, Семеновский полк, измайловцы. Кажется, все существенные. Есть еще мелкие команды, да они не в счет.

— Преображенский полк тоже нейтрален,— заявляет Чудновский.— Вчера обсуждали. Сколько ни бились — полковой комитет свое: не будем принимать участия в выступлении. И за Временное правительство не пойдем.

— Черт возьми! Это очень важно: казармы полка у самого Зимнего дворца. Может быть, они снюхались там с юнкерами?

— И офицерство там ненадежное,— дополняет Чудновский.

— Так оставить нельзя, надо еще попытаться.

Решено: Чудновскому взять кого-нибудь в помощь, поречистее, из военных, и мчаться в полк. Попытаться склонить их к выступлению или гарантировать невмешательство. В том и в другом случае обеспечить освещение настроения преображенцев и их действий на все время, пока будет длиться операция. Времени дается... один час.

— Помните: один час точно. Через час вы должны быть здесь. Заметьте время,— говорит Подвойский.

— Одиннадцать без десяти,— отвечает Чудновский и исчезает.

Чудновский — сам делегат Преображенского полка, хороший оратор. Не большевик, а интернационалист, работающий дружно с большевиками.

— Давайте дальше. Известно ли точно, кто стянут к Зимнему?

— Там школа прапорщиков, ударники и бабий батальон. Кажется, еще инженерная школа прапорщиков из Ораниенбаума, но если есть, то только часть ее. Ударники — в штабе, остальные — внутри дворца. Стоят заставы, и ходят патрули юнкеров. Больше, кажется, пока ничего не предпринимают. Артиллерия из Константиновского артиллерийского училища стоит на площади. Могут, конечно, подойти и другие юнкерские школы.

— Так. Значит, они никуда не распространились. Их район — Дворцовая площадь. Надо им помешать расширяться.

— Они ждут прихода подкреплений, до тех пор не двинутся. А у нас мышь не проскочит, чтобы мы не знали... Теперь — Мариинский дворец, там в карауле рота юнкеров. Совет республики, кажется, заседает. Значит, одновременно надо ликвидировать и Мариинский дворец.

— Значит, связи нет между штабом и Мариинским?

— По-видимому, нет. К Мариинскому пока никаких войск не стянуто. Они о нем и забыли, самим чувствуется жара.

— А где Временное правительство?

— Это устанавливается. Вчера Керенский там разводил истерику. Сейчас пока неизвестно, где он. Судя по приготовлениям, все министры или в штабе, или в Зимнем. Намерения правительства пока не определились.

— Ну, а нам теперь все ясно. Определим наши действия. Надо оцепить весь район.

— Я предлагаю так: оцепить от Невы — от Троицкого моста, Марсово поле, затем по Мойке до Мариинского дворца и окружить его. В этом районе будут две точки для удара: Мариинский и Дворцовая площадь.

— Тогда надо и всю операцию разделить на две части. Лучше всего сначала покончить с Мариинским и затем со всех сторон наступать на площадь, здесь их зажать в кулак.

— Да, тут удобно будет дать им бой.

— Ну, какой бой! Юнкера боятся солдат. Верней всего, они засядут в штабе и Зимнем, и придется их оттуда выковыривать.

— Надо предусмотреть и то и другое. Во всяком случае, будет правильнее сначала ликвидировать Мариинский.

— Дело. Надо записать для памяти, вроде протокола. Значит, первое: охватывается такой-то район от Невы и так далее... Затем по Мойке... докудова?

— Да все по Мойке, до Морских казарм. Тут как раз выйдет 2-й Балтийский экипаж.

— А как Гвардейский экипаж? Ведь он будет тут как раз в тылу?

— Они заявляли нейтральность, но, верней всего, поддержат, раз выступят балтийцы. Да еще идут кронштадтцы. Во всяком случае, тут никакой опасности: против моряков моряки не пойдут,

а за Временное правительство их и калачом не вызовешь. Крейсер «Аврора» стоит у Балтийского завода, к ним послана связь.

— Все-таки этот фланг надо держать под наблюдением. Нужна получше связь.

— Связь хорошая. Значит — вот район действий. Две ударных точки. Дальше: оцепить или остановить движение?

— Вопрос спорный. С одной стороны, могут собраться толпы людей, будут мешать, может быть и провокация. С другой стороны, прекратить движение трудно, надо вводить в дело большое количество войск — это может вызвать в городе ложную тревогу. А для нас лучше, если сделать дело незаметнее, бесшумнее.

Решаем прекратить движение только у Марининского дворца на время действий, а в районе Зимнего — участок от Дворцового моста, по Мойке до Красного моста и от Адмиралтейства до Гороховой. Трамваи сквозного движения пропускать, пока не начнутся боевые действия, а тогда прекратить. Вооруженные отряды какие-нибудь могут появиться, — разоружать их или менять направление, смотря, что за отряды и куда идут. Отряды, идущие на Дворцовую площадь, надо не пускать, рассеивать, а если по каким-либо другим делам — менять им направление, возвращать обратно. Все, по возможности, мирным путем.

— Так. Теперь вопрос: какие нужны силы?

— С этим надо осторожно. Есть заявления полков, которые желают выступить в первую очередь. Красная гвардия тоже желает. Моряки — тоже. Но нет смысла вводить в дело много частей.

— Сводный отряд. От всех частей...

— Нет, не годится. Если сводный отряд пустить, так перемешаются. Может выйти разногласица какая-нибудь. Да это и сложно, времени нет. Мы думали — Преображенский, Павловский полки, Петроградский и Выборгский районы — с одной стороны, моряки, финляндцы, кексгольмцы, Васильевский и Нарвский районы — с другой стороны. Еще можно 180-й полк — с той стороны вокзалы, надо больше сил.

— Выставить можно много полков, но не стоит перегружать. Лишние только помешают.

— Все хотят участвовать. Надо это так и устроить. Вот придет Чудновский, тогда решим.

— А пока — вопрос тактики. Надо обсудить: идти ли прямо на бой или зажимать, чтобы сдались. Вопрос важный — может быть кровопролитие.

— Вопрос тактики сейчас не решать — все будет зависеть от фактического положения дел. Порученное дело надо сделать так или иначе, хотя бы с боем. Обойдемся без боя — хорошо, нет — тем хуже для них.

— Ясно.

— А вот вопрос тыла темен. Черт их знает, этих нейтральных! Не ударили бы в спину. Правительственные агитаторы шныряют по частям, уговаривают.

— Сообщали, что стягивают офицеров в «Асторию».

— Пусть стяннут: это лучше, будут в одной куче. Пока не видно, чтоб там организовывались или вооружались. А так, с револьверами, они не сила.

— «Асторию»-то нужно тоже ликвидировать.

— Одновременно с Мариинским занять нашим отрядом и поставить своего коменданта... Что-то Чудновский...

— А вот и Чудновский.

Чудновский явился несколько взволнованный и огорченный неудачей своей поездки.

— Не опоздал: пять минут раньше срока,— говорил он, показывая часы.— Упарился я там. Никакого толку. Одно обещали — нейтралитет. Я просил, чтобы они совсем на улицу не выходили и закрыли бы ворота и подъезд. Обещали.

— А можно на их обещание положиться? Они нам, не того... не преподнесут сюрприза?

— Мое впечатление такое, что можно. Они не за правительство, но и не за большевиков, хотя не возражают против. Какой им расчет выступать против нас? Они знают, что за нами ряд полков, флотские и рабочие.

— Делать нечего. Придется просто их не упускать из виду. Кто тут будет командовать, тому смотреть и смотреть в оба.

— Я свою связь оставил, будут извещать немедленно, чуть что изменится у них или чего заметят подозрительное. Это обеспечено.

— Будем держать их на мушке. Давайте кончать. Вот мы о чем решили.

Чудновскому было рассказано о плане наступления.

— Есть возражения? Дополнения? — спрашивает Николай Ильич.— Ну, отвечайте быстро.

— В общем нет. А в частности... Во-первых, мал район охвата, надо увеличить до Фонтанки, до цирка, по Невскому — до Садовой или по крайней мере до Казанского. Вернее, надо сделать так: это — район охвата, а это — район тыла. Тыл должен быть надежно обеспечен. Третий район — район Смольного. Они должны иметь контакт.

— Громоздко.

— Смольный оставьте в стороне. У него свое дело — съезд сейчас должен открыться, и здесь будут приняты меры. А второй район было бы не худо... Спокойнее. Но только времени нет. Давайте остановимся на том, что обсудили.

Я все же обращаю внимание, что надо обеспечить тыл операции. Мое мнение — лучше выделить район. Потратим еще полчаса.

Но на это не соглашались. Пусть, кто будет наступать, позаботится и о своем тыле. Какие меры можно принять для обеспечения тыла?

— Резервы всегда можно вызвать.

— Резервы само собой. Но необходимо во всех удобных местах устроить баррикады и к ним поставить охрану. Наступающие будут уверены, что сзади не нападут.

На это согласились. Наметили по плану примерно места баррикад. Теперь последнее: кто пойдет? Два участка фронта, на каждый послать двоих. А один останется здесь для контакта.

— Нет, лишний расход людей. Довольно по одному. Вот Чудновский и Еремеев. Остальные останутся для контакта, связи и руководства. Петропавловка обеспечена: туда послан поручик Благодоров...

— Тогда я прошу дать мне участок с Преображенским полком, а Еремеев пусть с матросами.

— Да, мы еще не решили, какие войска будут участвовать.

— Преображенский выпал. Остается Павловский и сюда Красную гвардию. А там — флот, Финляндский и Кексгольмский полки, которые хотели в резерв, василеостровцы и путиловцы. 180-й в резерве.

— Чудновского не годится на этот участок, неудобно, раз его полк не участвует. Наоборот, надо Еремеева сюда, Чудновского туда. Оба пусть держат контакт.

— А я думал, что так лучше. Но, пожалуй... если осложнение, то неловко выйдет: делегат полка против своего полка.

— Итак, кончено?

— Кончено.

Мы остались с Чудновским.

— Давайте напишу записку к товарищу, чтобы пришел к вам, пошлите с кем-нибудь. Где будет ваш штаб?

— Думаю, в Павловском полку.

— Я вас найду посоветоваться. Нам дадут мандаты.

Но Н. И. Подвойский уже прибежал к нам:

— Возьмите мандаты. Да возьмите несколько бланков с печатью комитета, может, понадобится на случай. Возьмите по автомобилю в свое распоряжение. Понадобится — вызывайте мотоциклистов. Сообщайте немедленно, когда все будет готово к наступлению. Мы отсюда дадим вам знать. Я и сам к вам приеду. Держите связь.

С этим напутствием, мандатами, написанными от руки химическим карандашом, и несколькими пустыми бланочками мы уехали: Чудновский — во флотский экипаж, а я — в Павловский полк.

В городе ничто не напоминало войны. Погода выдалась прохладная, но было солнце, изредка покрывавшееся облаками. По улицам шли люди, как всегда, по своим делам, трусили извозчики; бегали автомобили и мотоциклетки.

Я проехал к Троицкому мосту. Там стоял караул Павловского полка, охранявший мост. В это время прошел батальон юнкеров с офицером впереди, направляясь по набережной к Зимнему дворцу. Офицер что-то спросил у караульных на мосту и догнал отряд.

Подъехав к подъезду полка с Миллионной улицы, я подписал путевку шоферу и отпустил его, полагая, что в Смольном он будет нужнее, чем мне.

Часовые пропустили меня по мандату. В канцелярии я спросил комиссара полка. Комиссаром там был товарищ Дзенис, которого Н. И. Подвойский рекомендовал мне как хорошего комиссара, сумевшего наладить отношения в полку. Он оказался молодым человеком с приятным бледноватым лицом.

Когда я показал ему мандат, он сразу понял, в чем дело, и оживился.

— Хорошо, что вы приехали. У нас в полку уже разные разговоры, спрашивают: чего молчит Смольный? Дворцовая площадь занята юнкерами и артиллерией. Что-то готовится... Полк неспокоен.

— Ничего. Теперь не июльские дни. Какие у вас отношения с преображенцами?

— Как будто ничего, но они, кажется, не хотят выступать.

— Не особенно приятны такие соседи, но ничего не поделаешь. Вряд ли они будут помогать юнкерам.

— Не будут, я уверен. И против солдат не пойдут. Юнкера тут патрули послали, так мы им сказали, чтоб мимо нас не ходили. Теперь ходят только до переулка по Миллионной. На дворе у нас дежурит взвод.

Объяснив тов. Дзенису вкратце, в чем дело, я попросил послать надежного человека с запиской в Преображенские казармы, и если он найдет адресата, то привел бы его сюда. Затем я попросил созвать полковой комитет, с которым необходимо было столкнуться о выполнении задания. Комитет собрался очень быстро.

Познакомившись с председателем комитета, я сказал ему, что собираюсь сделать заявление от Военно-революционного комитета. Заседание открылось без излишних формальностей.

Я счел нужным очень кратко очертить положение, указал, что сейчас, вероятно, уже открылся съезд, который установит новую власть Советов, а Временное правительство нужно ликвидировать, для чего занять его опорные пункты: Мариинский дворец, штаб округа и Зимний дворец. Поскольку оно отдало приказ арестовать Военно-революционный комитет, то и с ним мы поступим так же, а там пусть их разберет наша новая власть. Конечно, правительство может сделать попытку сопротивляться, у них собраны юнкера...

— И бабы... бочкаревский батальон да пушки!

— Ну вот видите, какая у них сила. Вот против этой силы и для выполнения задачи Военно-революционный комитет назначил меня во главе вашего полка и Красной гвардии.

— Товарищи, тут, я думаю, толковать не о чем,— сказал председатель.— Нам дан приказ — мы его исполним без разговору. Кто хочет что сказать? А то голосовать буду.

— Дозволь мне слово, я хочу сказать, товарищ председатель,— сказал один унтер-офицер, немолодой, черноусый.

— Говори ближе к делу.

Он стал горячо говорить об обмане народа Временным правительством, что народ ожидает облегчения, перво-наперво мира, крестьянству тяжело, а тут еще хотят пожилых гнать на фронт, а воевать нам не за что, пусть буржуи воюют...

— Ладно,— сказал председатель, прерывая его в паузе.— Еще кто?

Поднялись две-три руки.

— Не довольно ли? Надо дело делать.

— Нет, дай и мне слово,— сказал еще один.

— Еще одному дам, а больше — довольно. Вопрос ясен.

Другой сказал почти то же, только другими словами, и закончил:

— Надо избавиться от этого правительства.

Однако после него еще несколько ораторов пожелали говорить, и я подумал: как бы не затянулось? Но председатель был умелый и сказал, что речи кончены.

— Вот только товарищу из комитета последнее слово.

Я сказал, что теперь будем исполнять приказ. Для этого нужно нарядить роты: четыре в оцепление и заставы, две — в резерв с флангов, роту для охранения тыла. Когда подойдут рабочие, то часть их возьмем в середину оцепления.

— Я хочу сказать слово,— заявил еще один.

— О чем говорить? Бросим разговоры.

— Да я по делу. Об этом оцеплении.

— Говори короче.

— Товарищи, я так думаю, что Павловский полк — сила. И хватит его, чтоб расколотить всех юнкеров и с бабьим батальоном вместе. Так что лишне дают нам в подмогу рабочих. Может, нам не доверяют?..

Признаться, я не ожидал такого осложнения. Пришлось взять слово для объяснения и сказать, что из всего гарнизона намечены только Павловский и Кексгольмский полки, остальные в резерве, значит, где же недоверие? Конечно, все революционные полки хотели бы быть в первых рядах, но выбраны те, которые поближе к месту действия. Затем — участвуют моряки. Надо, чтобы были рабочие. Присоединить их к морякам неудобно, так как они к нам ближе — с Петроградской и Выборгской сторон. Красная гвардия других районов тоже в резерве. В революционном деле не может быть обид: дело общее — рабочих, солдат, моряков, крестьян.

Послышались голоса:

— Брось! Чего выдумал! Без рабочих нельзя.

Председатель сразу покончил с этим:

— Это не к делу. Кончен вопрос. Пусть товарищ приказывает, что нам делать.

— Дайте мне комнату ближе к выходу. Попрошу комитет

выделить человек пять товарищей плюс председатель комитета и комиссар: это будет у нас полевой штаб. Через него мы и будем действовать.

Наметили несколько человек. Под полевой штаб отвели классную комнату. Сказали, что сейчас пришлют писаря, машинку и бумагу.

— Объявляю собрание комитета закрытым. Штаб остается, остальные товарищи все по ротам. Какие роты в наряд — пришлем сейчас из штаба, — заявил председатель.

Мы расположились в классной комнате, где были столы и парты. Наряд был быстро составлен, я в это не вмешивался, а пока он составлялся, я вышел на улицу посмотреть, дошел до моста и обратно. Видел юнкерские патрули на набережной и в глубине Миллионной.

Диспозиция наша была такова: рота была выслана к Полицейскому мосту, ей указано было выставить охранение к мосту и занять дворы по обе стороны Невского. Рота должна была укрыться по набережной вблизи моста и затем по приказу перейти мост и произвести оцепление от Невского в сторону штаба округа, наблюдая за своим левым флангом, которому войти в связь с теми, кто будет наступать от Исаакиевской площади. Когда части от площади подойдут, идти через арку на Морской, согласно приказу об общем движении, и присоединиться к штурмующим. Две роты обходом идут и скрываются во дворе Певческой капеллы, роту — на Конюшенную площадь для удара по тому направлению, которое будет признано необходимым, вероятней — по Миллионной и через переулки по набережной, и роту для охранения со стороны Марсова поля с выдвижением застав к мостам Троицкому, Певческому, Инженерному и через Фонтанку на набережной, с высылкой патрулей в направлении тыла. Две команды были выделены для подготовки материала для баррикад на набережной у Мраморного дворца и у Полицейского моста, материал предполагался строительный, заготовленный на местах для ремонта. Две роты Красной гвардии я предполагал направить по их приходе по Певческому мосту для усиления нападающих на штаб округа и затем по Эрмитажному переулку для охвата Зимнего со стороны Невы. Кроме того, из оставшихся были наряжены безоружные разведчики — пешие и оказались еще велосипедисты — для глубокой разведки в тыл, а также и в районы неприятеля, пока будет возможность. Под секретное наблюдение был взят и Преображенский полк, куда были посланы разведчики.

Роты и баррикадные команды были уже готовы, когда нам доложили, что офицеров нет, и просили назначить командиров.

— Об офицерах-то мы и забыли. Все без них делаем и без командира полка.

— А на кой они нам! Должны быть на местах, в своих ротам, а раз их нету, и черт с ними, — раздался голоса.

У нас вышло маленькое разногласие — привлекать офицеров или нет.

— Где же офицеры?

— Офицеры должны быть все в полку. Вот приказ по полку, и там сказано.

— Они все в офицерском собрании.

— Товарищи, их надо или поставить в строй, или изолировать, чтобы не могли мешать.

Комиссар полка и некоторые товарищи находили, что офицеры не пойдут против солдат и, наверно, станут в строй.

— Пойдемте в офицерское собрание.

Мы с комиссаром и председателем полкового комитета вышли на улицу и прошли в подъезд с Марсова поля. Поднялись по лестнице мимо полковой церкви и большого зала, убранного для заседаний, и поднялись в офицерский клуб. Там, действительно, было много офицеров, которые, видимо, проводили время по-клубному. В столовой накрывали завтрак. Дежурный по клубу офицер подошел, и ему сказали, что член Военно-революционного комитета желает видеть командира полка.

Из внутренних комнат вышел средних лет офицер, сухощавый брюнет среднего роста, изящный и корректный:

— Имею честь: командир полка.

Я объяснил ему, что желаю переговорить со всеми офицерами, и он приказал дежурному:

— Пригласите всех офицеров сюда.

Две-три минуты, пока офицеры наполняли столовую, мы с командиром вели нейтральный разговор о погоде, о смутных временах, о том, что полк все же поддерживает порядок и ученье, и долю в этом имеет и комиссар полка, который помогает. Он предложил мне папироску, но я закурил трубку, и мы поговорили о табаке.

Видя, что офицеры собрались и притихли, он спросил меня:

— Как прикажете объявить о вас и о вашей цели?

— Скажите: член Военно-революционного комитета о выступлении против Временного правительства.

Я вынул и показал ему мой мандат.

Командир полка, видимо, был смущен и не решился повторить точно, хотя близко стоящие и слышали мои слова. Он сказал:

— Господа офицеры! Прибывший член Военно-революционного комитета имеет говорить о Временном правительстве. Он уполномочен по мандату от Военно-революционного комитета.

Офицеры, видимо, с живым любопытством подвинулись поближе, рассматривая меня во все глаза, как невиданное чудо. У некоторых были, как мне показалось, иронические улыбки.

Я очень коротко, но выбирая определенные, категорические выражения, объяснил положение вещей. Не зная еще, что делается на съезде, я все-таки сказал, что вот заседает Всероссийский съезд Советов, который решил сменить правительство, чтобы разрешить коренные вопросы страны, прежде всего о войне. Поскольку Временное правительство во главе с Керенским не желает

подчиниться Совету и, видимо, пытается бороться за власть силой, Военно-революционный комитет приказал объявить ему ультиматум о сдаче и в случае отказа обезоружить и распустить его оборону, а само правительство арестовать. Павловскому полку поручено принять в этом участие, и полк готов к выступлению, однако офицеры не на местах. Офицеры должны ясно сказать, с кем они.

Тогда командир полка сказал:

— Разрешите мне сказать от имени всех офицеров полка. Мы уже обсудили вопрос о возможном выступлении и решили быть всем в строю. Мы не хотим отделяться от солдат. Очень жаль, что нам не сказали раньше, мы узнали, что идут приготовления, и думали, что нас хотят отстранить. Если это отпадает, мы все очень рады. Разрешите офицерам разойтись по ротам.

Ему был передан наш наряд ротам. Он выразил неудовольствие:

— Жаль, что мне не сказали и нет моей подписи. Солдаты могут подумать, что я отстранен.

Я успокоил его: времени слишком мало, в дальнейшем он будет принимать участие. Он объявил наряд офицерам, и командиры ушли, вежливо откланявшись. Я попросил его оказывать содействие во всем, он в свою очередь предложил мне столоваться у них в собрании, причем похвалил повара. Но мне так и не пришлось оценить офицерского повара Павловского полка. Командир обещал все время находиться или у себя в кабинете, или в офицерском собрании, и мы вежливо расстались. Больше я его уже не видал. Все наше свидание длилось не больше двадцати минут. Не знаю, принимал ли он в дальнейшем какое-либо участие. Кажется, товарищ Дзенис и полковой комитет обходились без него.

— Все готово, можно выводить роты. Но надо, чтобы вы пошли, сказали им несколько слов, тем более что офицеры на местах,— сказал товарищ Дзенис.

— Я было думал только командирам объяснить задание. При них должны быть члены полкового комитета.

— Есть, уже наряжены. А все-таки вам надо пойти сказать напутствие. Так будет лучше.

Мы пошли в роты, которые приготовились к выступлению. Собрать их все вместе нельзя было. Приходилось говорить с каждой отдельно.

Мы прошли по шести ротам. При нашем входе командовали «смирно», командир роты подходил и рапортовал: такая-то рота в строю. Я кратко говорил, в чем состоит задача, и заканчивал поздравлением, что это — последнее усилие и затем уж будет власть Советов. Командиров просил идти за мной и в последней роте, в ротной канцелярии, объяснил каждому его тактическую задачу, как держать связь с нашим полевым штабом.

Все объяснения кончены. Приказываю выступать. Рота за ротой выходят из казарм во двор и оттуда колоннами на улицу идут по назначению. От казарм до Троицкого моста сейчас же

выставляется оцепление. Команда, караулившая мост, снимается. Это было, вероятно, около часу дня.

Решаю прекратить движение по Миллионной и набережной Невы от моста. Даем из штаба соответствующее распоряжение. Автомобили задерживать, пассажиров направлять в полевой штаб для выяснения. В случае прохождения вооруженных отрядов вызывать немедленно со двора дежурную роту, останавливать отряд, а начальников направлять в полевой штаб. Даем также приказ выставить секреты и двинуть густые патрули с целью захвата юнкерских патрулей, которые обезоруживать и доставлять во двор полка, где их сажать куда-нибудь под арест. Разведчики высланы.

Красной гвардии еще нет, а мне хотелось бы, чтобы она скорей пришла. Мне казалось, что я буду прочнее себя чувствовать с рабочим отрядом как в отношении сомнительного Преображенского полка, так и в отношении тыла. Тыл, то есть так называемые «нейтральные» части, для меня не совсем ясен. Я попросил одного товарища — фельдфебеля полка — привести в известность, какие части расположены в районе по эту сторону Невского, и он наводил справки в полковой канцелярии вместе с адъютантом полка. Через некоторое время был принесен наскоро набросанный карандашом список: Инженерное училище, комендатура города, три конных дивизиона, конная артиллерийская бригада, экипажная рота, артиллерийская школа, 3-й или 4-й саперные батальоны, электротехнический батальон, самокатная рота, автомобильный батальон, часть ударного батальона георгиевских кавалеров, часть женского батальона в Аракчеевских казармах, прибывшая сегодня из Левашова, кавалергардский полк и три казачьих полка — 1, 4 и 14-й донские.

Много нестроевщины — не так страшно, но все же могут наделать тревоги. Придется усилить охрану тыла — наряжаем еще одну роту.

Оцепление наше быстро подействовало. Остановлено несколько автомобилей, приводят их пассажиров, некоторых пешеходов, курьеров учреждений, идущих с пакетами. Просматриваю пакеты: в штаб округа или Зимний — нет. Отпускаю. Пассажиры автомобилей не так покорно-безропотны, повышают голос:

— Почему мы задержаны? Что тут происходит? На каком основании?

Отвечаю:

— Дело военное, вас не касается. Будьте любезны предъявить ваши документы.

Несколько купчиков-голубчиков, адвокат с дамой, какие-то иностранные коммерсанты.

— Можете идти. Автомобили пока будут задержаны.

— Как так? Это незаконно! Мы будем жаловаться...

Какой-то в штатском оказался полковник — инженерный или артиллерийский.

— Вам придется проехать в Смольный. Дадим провожатого. Входит прилично одетый, с портфелем. Конвоир-солдат говорит:

— Товарищ начальник, вот министр.

— Что у вас тут делается? Это безобразие! Меня задержали, я министр Прокопович, еду на заседание правительства.

— Вам придется проехать в Смольный.

Министр Прокопович был взволнован и раздражен:

— Что это такое? Насилие над членом правительства! Это неслыханно, чудовищно! Объясните же, что здесь делается. Кто вы?

Я назвал себя.

— Кто вам дал право задерживать члена правительства? Это самоуправство. Вы тяжело ответите. Я требую, чтобы меня отпустили... Мне спешно нужно на заседание правительства.

— Вы там не будете. Вам придется проехать в Смольный.

— Это невероятно! Вы понесете ответственность... Да понимаете ли вы, что вы делаете?

— Совершенно: это революция. Ваше правительство не существует. Все разговоры бесполезны — вы поедете в Смольный.

Он вышел с протестами и возгласами.

Вскоре зашел и другой министр:

— Я министр исповеданий Карташев.

Благообразный господин, он был вежлив и ненастойчив. Видно было, что порядком струхнул, и без особых разговоров покорился. Привели еще управляющего делами Временного правительства, кажется Гальперна, еще с кем-то. Он просил, чтобы его отпустили, хоть пешком, у него важные дела. Его тоже отправили с конвоем. Мне помнится, что мы были очень вежливы и корректны.

В автомобилях для развозки у нас не было недостатка.

Десятка два машин уже стояли рядом у подъезда под охраной часовых. Некоторые шоферы, правда, протестовали, но мы им предлагали уходить, оставив машину. Другие же, наоборот, поговорив с солдатами, оставались охотно и выполняли поручения с удовольствием. Одного нахального шофера из военного министерства пришлось дежурному офицеру посадить под арест, где он и пробыл часа три, пока не был отпущен.

В дальнейшем задержанных прибывало все больше и больше. Пришлось выделить несколько членов полкового комитета разбираться в документах под руководством тов. Дзениса, который давал им направления.

В третьем часу дня доложили, что подошел отряд Красной гвардии. Я велел поскорее пропустить его во двор, чтобы избавить от любопытства публики, собиравшейся время от времени на углу Марсова поля, хотя ее часовые и отгоняли.

Это был отряд Петроградского района под командой немолодого рабочего (он был, кажется, мастером какого-то завода, имени не помню). Отряд человек в четыреста был хорошо одет: с винтов-

ками на новых ремнях и новыми подсумками. Он имел вполне военный вид.

Начальник отряда в кожаной тужурке тоже имел военную выправку и оказался бывшим фельдфебелем или унтер-офицером. Я сказал отряду, что теперь речи говорить не приходится. Они пришли в помощь другим силам — солдатам и морякам, чтобы покончить с Временным правительством, которое пытается оказать сопротивление. Возможно, что придется применить силу. Солдаты-павловцы уже на позиции. Начальник отряда сказал:

— Отвечаю за весь отряд: мы готовы. Дозвольте несколько отдохнуть и напиться воды и ведите нас на позиции.

Я попросил полевой штаб отвести какое-нибудь помещение рабочим, пока они оправятся и напьются. Их провели в помещение маршевых рот, которое пустовало. Сейчас же к ним пришли солдаты, стали угощать их чаем и беседовать.

С приходом рабочих опять возник вопрос об их участии. Некоторые члены полкового комитета приходили ко мне и предлагали:

— Прикажете наступать: возьмем штаб и дворец штурмом. Выведем еще роты, весь полк. Мы и без рабочих управимся. Они люди не военные, могут помешать делу. Пусть будут в резерве.

Пришлось взять категорический тон и заявить, что они тоже военные, из бывших солдат, и будут исполнять то, что им будет поручено. Эти разговоры излишни, ибо вопрос этот мы уже решили в полковом комитете и, кроме того, так приказано Военно-революционным комитетом. О подобных разговорах мне потом сказал и начальник рабочего отряда, которого я успокоил, что и они и ожидаемые мной выборжцы будут участвовать в операциях. Дело скоро начнется, как только мы войдем в контакт с наступающими моряками, которые пока заняты захватом Маринского дворца.

Затем пришел и отряд Красной гвардии Выборгского района, начальник которого беспокоился, что они пришли без пулеметов, так как не было указания. Я ответил, что в пулеметах нужды нет, пулеметов в полку достаточно, но употреблять их не предвидится, разве только на Марсовом поле в случае нападения с тыла. Но для этого имеется полковая команда, она наготове. Этот отряд был также помещен в маршевом помещении.

Улучив минутку, я написал и послал коротенькое донесение Подвойскому в Военно-революционный комитет о том, что у меня все готово и обстоит так-то.

К этому времени обстановка изменилась. Во-первых, наши патрули и секреты поарестовали все юнкерские патрули, так что их охранение стояло только у самой Дворцовой площади. Затем от Зимнего ушла бывшая там юнкерская артиллерийская батарея, которая была пропущена в свое расположение. После ее ухода юнкерское охранение втянулось в штаб и в Зимний, патрули прекратились и площадь опустела, в чем я лично убедился. Таким образом, стало очевидным, что неприятель не полагает, вернее, не

может развивать активные операции и вынужден к пассивной обороне, к отсиживанию за стенами. В нашем полевом штабе, наоборот, было активное настроение, и нет-нет кто-нибудь предлагал:

— Давайте ударим на них! Чего ждать?

Но у меня еще не было контакта с Чудновским, который должен был заехать ко мне. Он приехал, должно быть, после трех часов прямо из Смольного, оживленный, веселый.

— С Мариинским кончено. Все как по писаному: окружили, поставили броневики, вошли туда и предложили разойтись. Юнкеров разоружили. «Асторию» пока не заняли, но поставили надежный караул и броневик, чтоб никто не выходил до распоряжения... Что там было! В Мариинском растерянность, паника, представить себе не можете, ушли как в воду опущенные. Протесты? Жалкий лепет: «Покоряемся грубой силе»... Баррикадами мы окружились по всем переулкам. Автомобили все поарестовали, кроме своих, конечно. Совет республики просил дать им хотя бы в автомобилях домой разъехаться, напоследях, так сказать. А матросы им кричали: «Невелики господа, пешком дойдете. Полезно к аппетиту!»... Как нравится: «Полезно к аппетиту!»? Ну, как у вас?

Я рассказал ему, как у нас обстоит дело.

— Э, вы мало баррикад делаете! Надо больше.

— Да мне негде и делать — река, канал, площадь.

— А вы их подальше в тыл вынесите. Могут пригодиться. Ходят разные слухи, что могут ударить в тыл ударники или инженерные войска. Послушайте моего совета — делайте побольше баррикад.

Я послушался и послал устроить заграждения в Шведском переулке, у церкви Воскресения и у Прачечного моста на Фонтанке у Летнего сада, эти пункты мы выбрали вместе. Но проверить исполнение у меня не было времени. Я лично не видел в них особой нужды.

— Теперь вот что, — сказал Чудновский, — во-первых, я еду в Зимний парламентаром и предъявлю ультиматум. Во-вторых, мне поручено по результатам переговоров контактировать все наступление. Так что я потом к вам опять заеду через час, и тогда уговоримся. В-третьих, к вам идет по Мойке Кексгольмский полк, пусть будет на Мойке в резерве, командир к вам явится. В-четвертых, когда вернусь, будем наступать. Ну, что еще?.. Пожмите мне руку. Еду!.. Потом в Смольный. Потом к вам.

Я дал ему мое донесение и просил передать, когда будет в Смольном.

Вскоре по его отъезде приехал Н. И. Подвойский. Узнав, что был Чудновский и из Зимнего отправится в Смольный, он предложил проехать по нашему фронту до Невского, откуда он направится в Смольный. В это время мне доложили, что приехали пушки. Явился офицер и отрапортовал, что в мое распоряжение прибыла полевая полубатарей. Я его отправил на Невский к Полицейскому

мосту и сказал, что там его встречу. После него явилась «связь» от роты, находящейся у Полицейского моста, с запиской от командира — просит явиться на левый фланг, куда прибыла еще одна часть. Посланец сказал об этом и на словах, с тревогой, что, может быть, это чужая часть? Не вышло бы чего?

Мы поехали с Н. И. Подвойским к Невскому. В полевом штабе я просил тов. Дзениса сделать распоряжения, какие понадобятся, а в случае чего прислать за мной автомобиль. У моста я вышел, а Н. И. уехал. Ко мне подошел командир нашей роты с другим, высоким, стройным офицером и доложил, что прибыл батальон Кексгольмского полка. Офицер заявил, что он прислан для охранения линии Мойки до стыка с нашими частями, причем указания должен получать от меня. Я распорядился нашей полуроте отойти через Невский, соединяясь с другой полуротой, а Кексгольмскому полку стать вплоть до моста, выставить заставу, а роты убрать во дворы. Кстати, поручил им заготовить на набережной материал для баррикады, на что офицер сказал, что и тов. Чудновский приказывал ему это. Старшим на участке я назначил командира павловской роты, через которого кексгольмцы будут получать приказания. Тут подъехали наши орудия. Я приказал поставить их на самом мосту — одно дулом к Садовой, другое дулом к Александровскому саду. На вопрос командира полубатарей, какое ему будет дано задание, — причем он указал на то, что артиллерии тут действовать затруднительно: близко дома, — я объяснил, что действовать ему придется в самом крайнем случае, если будет нападение больших масс с той или с другой стороны. Тогда ему надлежит бить в упор по приказу моему или начальника участка. Если есть холостые, то сначала дать холостые предупредительные выстрелы. Холостых снарядов оказалось две очереди. Начальнику участка, присутствовавшему тут же, я приказал прекратить движение по Невскому в сторону Зимнего, пропуская лишь трамваи в обе стороны, поскольку еще не закрыт Дворцовый мост, выслать патрули до Казанского собора и безоружных разведчиков выслать до Садовой. На случай быстрого сообщения дал ему автомобиль, написав записку в полевой штаб, с которой направился фельдфебель, член полкового комитета, большевик, которому было поручено состоять при командире.

Только что я сделал эти распоряжения, как за мной пришел автомобиль — нужно как можно скорее явиться в штаб: задержали двух каких-то казаков.

Оказалось — один офицер и один нижний чин верхами ехали на Дворцовую площадь. Спешившись, офицер подошел ко мне и заявил, что они делегаты от полка донских казаков (не помню, 4-го или 14-го). Едут по полномочию собрания полка и с удостоверением от Совета казачьих войск в Зимний дворец, чтобы снять оттуда их казачью сотню — таково решение полка. Он просил пропустить их туда, а затем пропустить сотню оттуда, не обезоруживая казаков, ибо они не за Временное правительство и сотня,

вызванная туда, осталась там по недоразумению. Я разрешил, и они уехали. Дав инструкцию о пропуске казаков обратно, я на всякий случай сказал командиру роты, бывшей во дворе, не прозевать их проезда и быть настороже.

Действительно, через некоторое время казаки показали по Миллионной, мне сообщили об этом. Офицер наш понял «быть настороже» таким образом, что, скомандовав роту: «В ружье», вывел всю ее за ворота перед казармой. Это, в соединении с находившейся тут заставой и значительным количеством свободных пока солдат, представляло, несомненно, внушительную картину, о которой казаки могли рассказать у себя в полку. Вероятно, они заметили и пару пулеметов, дежуривших на углу площади. Они проехали шагом, уныло и угрюмо смотря перед собой.

В связи с указаниями тов. Подвойского и полагая, что наступление моряков уже началось, я вывел и Красную гвардию, направив один отряд, поменьше, к капелле, другой — к Конюшенной площади. Затем послал приказ прекратить всякое движение посторонних и медленно продвигаться вперед, к центру — на охват штаба округа, а правому флангу — на охват Зимнего. Был, вероятно, пятый час дня, может быть, около пяти.

Разведчики сообщили, что от Морской, Исаакиевской площади и по берегу Невы от Сенатской площади надвигаются большие отряды моряков с броневиками. Движение трамваев с той стороны Невы прекратилось. С левого фланга меня запросили, что делать с трамваями, которые скопились перед Полицейским мостом. Приехав туда, я увидел довольно большую толпу вышедших из вагонов пассажиров и собравшихся любопытных зевак, которая выражала неудовольствие на задержку и невозможность попасть на ту сторону Невы. Сначала я было подумал оттеснить толпу к Казанской площади, а вагоны оставить на случай заграждения Невского, но увидел, что это будет нецелесообразно, так как толпа будет еще больше привлечена видом вагонов. Тогда я пошел сам и поручил фельдфебелю обойти вагоновожатых и кондукторов, и мы объяснили им, что сегодня движение трамваев по Невскому в этой части не будет допущено и чтобы они заявили об этом службе движения, которая может направить вагоны в обход на Николаевский и Троицкий мосты. Вагоновожатые перевели включение на задние моторы, кондуктора прокричали: «Садитесь, сейчас поедет окружным путем», сигналы прозвонили, и наполненные вагоны двинулись обратно. Больше сюда трамваи уже не ходили.

С уходом трамваев толпа уменьшилась, однако зевак было еще довольно много. Пришлось выставить роту поперек всего Невского и оттеснить толпу до Казанской площади, где она разошлась. В предупреждение новых больших скоплений мы выставили взвод на углу Конюшенной, который протянул поперек Невского редкую цепь. Солдаты должны были предупреждать публику, что вниз по Невскому нет прохода, и пропускали только живущих в

домах этого района. То же делали и патрули павловцев и кексгольмцев, которые по очереди ходили до Казанской площади.

Разведчики без оружия, которые ходили вплоть до Садовой, сообщали, что на Казанской площади и около Михайловской улицы народу немного, но что громадные толпы собираются на углу Садовой и Невского и дальше по Невскому. Особенно толпятся у редакции газеты «Вечернее время», которая вывешивает плакаты с новостями. Никаких вооруженных нигде не замечено. В разговорах публики толкуют о съезде, о роспуске Государственного совета, но не слышно ничего о вооруженных выступлениях. По-видимому, публика совсем не представляла себе, что делается за завесой оцепления. И газеты не знали.

Смеркалось. На Невском горели огни.

Проехав отсюда через мост и по набережной Мойки, я увидел павловцев, красногвардейцев и моряков, оцепивших штаб и сгрудившихся вблизи подъезда на Гвардейской площади, прикрываясь за стеной штаба от Зимнего, откуда могли стрелять. Но стрельбы не было.

Выйдя из автомобиля, я подошел и спросил, в чем дело и почему нет строя. Кто-то из толпы грубо меня облаял...

В это время слышались выстрелы. От дворца прибежали патрульные сообщить командиру, что стреляют из ворот Зимнего. В ответ слышалась трескотня от Александровского сада.

— Пошлите узнать по набережной. Если матросы штурмуют, то вламывайтесь и вы. Наша центральная колонна во дворе штаба.

Перестрелка скоро утихла. Это только была проба винтовок и... нервов.

Несколько солдат подошли ко мне и сказали, что, когда наши проходят по Эрмитажной канавке на набережную, преображенцы, казарма которых как раз находится рядом с Эрмитажем, делают им замечания, чтобы не ходили мимо их казармы, и говорят:

— Обходите кругом.

— Кроме того, они позволяют себе насмешки над красногвардейцами, которые тут проходят. И вообще выражаются: «С кем воюете? С бабами? Порт-Артур берете?» и т. п.

Я тоже заметил у ворот Преображенского полка группу вооруженных солдат, и в приоткрытые ворота виднелось еще их много. Толпились и в парадном подъезде. Отослав автомобиль в полк с запиской, что я зайду к преображенцам и скоро приду, я вошел в подъезд и поднялся по лестнице. Ни часовые у дверей и никто меня не спросил. Увидя комнату полкового комитета, я вошел туда. Она была переполнена, стоял густой табачный дым, все разговаривали друг с другом. С трудом я разыскал председателя комитета, сказал ему, кто я. Он кликнул еще двух-трех товарищей, и им я заявил именем Военно-революционного комитета требование убрать с улицы всех вооруженных солдат, закрыть ворота и никого не выпускать, также закрыть и парадный подъезд и лишь впускать своих.

— Нейтралитет — дело ваше, — сказал я. — Но мешать Военно-революционному комитету вы не имеете права. Там есть и ваши представители, вы их не отозвали. Вы должны исполнять то, что заявляли. Иначе могут выйти осложнения. Тут в переулке у Архива мои пулеметы и вблизи два орудия. Если выйдут осложнения, будет очень нехорошо. Я должен донести о препятствиях в Смольный.

Меня стали уверять, что у преображенцев и в мыслях нет мешать нам, а тем более помогать Временному правительству. Это просто недосмотр дежурного по полку. Был вызван дежурный по полку офицер, ему было сказано убрать всех с улицы и закрыть ворота. На дворе будет дежурный взвод: без этого они не могут ввиду событий. Парадную дверь офицер просил не закрывать, потому что из города приходит много солдат и офицеров — затруднительно поминутно отмыкать и замыкать. Я согласился. Когда я вышел, офицер загнал солдат во двор и приказал замкнуть ворота. В дальнейшем действительно преобразенцы с винтовками не высывались больше.

Вернувшись в полк, я застал только что приехавшего Н. И. Подвойского. Он сообщил мне, что Советом послан правительству ультиматум уже в последний раз. Чудновский не достиг соглашения, его там хотели задержать, но наконец выпустили. Он был в Смольном с докладом, а теперь уехал руководить наступлением. Если не сдадутся, то будет приказано бить из пушек с верков Петропавловки и, если понадобится, с крейсера «Аврора», который стоит у Николаевского моста.

Я выразил опасение, как бы снаряды не били наших, — руководить огнем трудно, а наши войска уже облепляют дворец, как муравьи, именно со стороны Невы. Еще немного — и те сдадутся, потому что им не высидеть долго под обстрелом. Н. И. Подвойский заявил, что он сейчас проедет на площадь посмотреть, а потом направится в Петропавловку. Мне он посоветовал усилить охрану тыла и не «спускать глаз» с города ввиду разноречивых, но упорных слухов о выступлении некоторых частей в помощь бывшему правительству. Такие же слухи были принесены разведчиками с улиц, называли даже части. Так, усиленно говорили, что остатки женского батальона движутся на помощь вместе с георгиевскими ударниками, что идет какая-то артиллерия, броневики, Инженерный полк. Любопытно, что совсем не было слухов о движении войск на Петроград извне, из окрестностей. Слухи были только городские.

С Дворцовой площади донеслась стрельба.

— Кончать надо, уже Ильич выступил в Совете. Пойдем посмотрим, что на площади, и я поеду в крепость, — сказал Подвойский.

Мы въехали было на площадь, но шофер быстро повернул кругом. Из ворот дворца часто рокотали пулеметы. Дворец обстреливали от Главного штаба и от арки, пользуясь прикрытием штабелей длинных дров или бревен, сложенных невдалеке от Алек-

сандровской колонны. Осада находилась пока в стадии обстрела, за выступами стен дворца уже показались вооруженные люди.

Н. И. Подвойский наказывал мне найти Чудновского и уговориться с ним ворваться во дворец, когда услышим пушечные выстрелы,— они будут холостыми. Это значит — ультиматум не принят и надо кончать разом. Кроме того, наказал опять не «спускать глаз» с города и вообще с тыла, проверить, нет ли какой части в Летнем саду, которая могла тайком забраться, а потом вдруг ударить в спину. Он уехал в Петропавловку.

На душе у меня стало тревожно. Было ясно, что Зимний дворец бессилен и что, если не сдадутся юнкера, их перебьют всех, да, пожалуй, не будет пощады и министрам. С этой стороны тревожиться было нечего. Но со стороны тыла... кто знает? Действительно могут быть неожиданности. Внимание приковано к дворцу, а там, сзади, служба, наверно, ослабела. Правда, полевой штаб и тов. Дзенис во главе его бодрствовали и работали неустанно, но их интерес направлен в сторону дворца. И этот Летний сад. Мы о нем теперь и забыли, а наступившая темнота делает все возможным. У полевого штаба было еще много хлопот с приводимыми арестованными и пленными. Забирали сначала юнкеров, обыскивали, составляли списки; приводили разных подозрительных людей, выясняли. Произвели смену рот флангового и тылового охранения. Выставили пулеметы на Марсовом поле. Но ходят ли еще разведчики и патрули так далеко, как им было указано? Смогут ли они предупредить вовремя?

Я пошел к Певческому мосту, где за зданием штаба стояли наши роты и рабочие. Разыскав командира сводного отряда и члена полкового комитета при нем, я рассказал им все, что знал о положении вокруг дворца, объяснил им задачу. Когда ударят пушки — штурмовать со всех сторон все входы и дворы, подослать людей к воротам и кричать, чтобы сдавались, а кто не сдается, будет потом расстрелян. И это должно повлиять, особенно на женщин. И затем действовать по заданию.

Подойдя к Павловским казармам, я увидел в автомобиле Чудновского, который спрашивал меня. Он не вышел из машины, и мы тут же переговорили. Он рассказал, как во дворце был схвачен офицером и юнкерами с гранатами, ему угрожали, но наконец провели в зал, где было правительство. Переговоры опять не привели ни к чему. Керенского не видел. Кишкин заявил, что он диктатор Петрограда и им уполномочен какой-то Пальчинский разбить большевиков и ликвидировать анархию. Угрожал расстрелять всех большевиков, когда придут войска с фронта.

«Довольно с вами нянчились, теперь за вас круто возьмемся», — заявил он.

Пальчинский предложил арестовать Чудновского и держать его, но Чудновский пояснил им бессмысленность его ареста, за последствия которого он не ручается, ибо его ждут с ответом. Он был отпущен и выведен на площадь, откуда и уехал на автомобиле.

— Теперь вот что. Наши хотят палить из Петропавловки, но я против этого. Что это даст? Испортим дворец Растрелли. Я категорически против. Мы и так их возьмем. Раз они не сдаются, значит, сами желают кровопролития, и будет же им жарко! Матросы давно говорят, что устроят им всем жаркую баню, а весь бабий батальон отвезут в Кронштадт на усиление гарнизона: «Там, мол, они нам послужат до победного конца...» Сейчас я поеду туда и прикажу кончать дело без всяких пушек. Кардинальный момент. Но нам обоим не следует быть там, надо позаботиться о тыле. Есть скверные слухи. Я им не верю ни на грош, а все-таки бережного и бог бережет. Представьте, ударная часть какая-нибудь свежая, с хорошим руководителем... Может выйти такая кровавая каша.

— Я намерен объехать весь тыл и все осмотреть. А потом вернусь. Тут у меня в полевом штабе товарищи хорошо следят...

На том и согласились, что он отправляется наступать, а я — проверить обеспечение тыла, а затем всю линию фронта.

— Давайте еще условимся, кто будет наблюдать за порядком около Зимнего дворца, а кто внутри. Когда войдем туда, там надо будет сразу принять меры. Там масса ценных предметов, соблазна будет много, а какая-нибудь шатия найдется. За всех нельзя поручиться.

— Я думаю, надо немедленно назначить коменданта или комиссию из трех товарищей.

— Это потом. А сразу, как войдем в помещение, надо тому распорядиться, кто из нас войдет первый. И иметь около себя верных людей. Давайте так условимся. А кто останется, должен организовать на площади порядок... и опять осмотреть тыл. Согласен? Хорошо. Еду. Кругом ехать далеко, поеду по Миллионной и через площадь, авось пронесет. Стрельба-то затихла. Товарищ шофер, как, проедем?

— Проедем, — ответил шофер.

Забыв на минутку в штаб, я тоже сел в автомобиль и отправился сначала по набережной до Фонтанки, потом проехал по Фонтанке мимо цирка и Михайловского манежа, Инженерного замка, завернул на Конюшенную площадь и выехал на набережную Мойки. Везде по пути проезда было спокойно и почти безлюдно. Инженерный замок был мрачен и безлюден, все входы закрыты. Наши заставы стояли, и патрули ходили. Меня останавливали. Узнав, спрашивали, почему так долго? Идет ли бой? Скоро ли возьмут дворец? Когда их сменят?

— Скучно тут, никого нет, публика почти не ходит. Лучше бы там быть, на фронте.

Я освещал им положение дела и внушал нести дозор по всем правилам, что это очень важно для успеха, хотя и скучно.

— Следите хорошенько за Летним садом. Не накопился бы там противник.

— Нет, туда никто не проберется, ведь наши есть и с той стороны. Скорей бы только кончали.

— Скоро кончим, не хотим напрасного кровопролития. Хорошенько глядеть за Инженерным замком, следить за Михайловским манежем, за Садовой.

— Так и делаем, наши ходят до Литейного — и там ничего особенного. А нельзя ли хоть костры зажечь у застав? Погреться, да и веселее.

— Нет, костры не надо. Ведь сейчас же соберется к вам народ всякий, потом пойдут, будут рассказывать другим. Чем незаметнее, тем лучше.

— Да мы и то хорошо схоронившись.

Действительно, заставы были укрыты во дворах; патрули не могли привлекать к себе особенное внимание, их принимали за обычные патрули для порядка. В назначенных местах лежали кучи досок, ящиков, приготовленных на случай баррикад, но, видимо, без особого старания. На набережной Мойки я увидел Н. И. Подвойского, которому сказали, что я пошел сюда. Автомобили мы оставили на набережной и пошли к Полицейскому мосту. К нам подошли павловский фельдфебель и офицер Кексгольмского полка доложить о положении. Я удивился, что нет офицера, старшего на участке.

— Где начальник участка?

— Он куда-то отлучился.

— Но ведь он сказал, где его найти?

— Он, кажется, побежал домой, нашу роту сменили, но я остался, потому что мне известно все задание. Новый командир побыл здесь, а затем попросил остаться за себя поручика, сказал, что ему необходимо ненадолго отлучиться, — сказал мне фельдфебель.

— Давно он ушел?

— Да с час, больше.

— А где же поручик, почему он не является?

— Да вот он, стоит у перил.

Поручика кликнули. Я довольно резко сделал ему выговор, заметив, что он наряжен на фронт, а не на ротное учение.

— Вы, верно, с вашего ротного берете пример небрежности. Не рапортуете и вообще неглижируете. Ваш ротный совсем ушел с фронтового участка. Как это называется? За это — расстрел!

Поручик струхнул:

— Можно за ним послать, я знаю, это недалеко. Я лично очень извиняюсь, не узнал вас...

— К чему посылать. Мы его и после найдем и предадим суду. Да он и ненадежен. Я назначаю товарища фельдфебеля начальником участка, а вы, поручик, будьте за командира роты и не сдавайте команды ротному, хотя бы он и пришел.

Пока я тут разбирался, Н. И. Подвойский толковал с солдатами и артиллеристами. Мы пошли до Морской и повернули к арке Главного штаба. На площади шла стрельба, которая то усиливалась, то затихала. В это время послышался пушечный выстрел, за

ним еще, потом опять. Это были выстрелы с верков Петропавловки и два холостых выстрела с «Авроры». Пулеметы щелкали со двора Зимнего во всю мочь, ружейная стрельба раздавалась переливами.

— Ишь, не дают подойти. Как жарят. Разрешите их хоть раз пугнуть из орудия, — говорили солдаты, бывшие с нами.

— Что ж, Николай Ильич, давай пошлем им снаряд. Полагаю, что одного довольно будет, — сказал я Подвойскому.

Он не возражал.

— Ну, товарищи, давайте орудие, которое сюда смотрит.

Начальник полубатарей сначала не поверил солдатам, подбежал к нам увериться. Я ему пояснил:

— Мы хотим дать один или два выстрела во дворец из-под арки.

Тогда он ответил:

— Тогда можно без упряжки: подадим на руках.

Я вызвал сюда еще взвод для прикрытия, ибо молодой артиллерист все беспокоился о прикрытии, которое полагалось по уставу.

Пушку скоро подали. Мы вышли из-под арки на площадь, чтобы выбрать место, с которого поудобнее было пустить снаряд в ворота дворцового двора. Однако там так свистели пули, очевидно рассыпаемые веером, что орудие там установить было трудно, да и темно брать прицел. Время от времени звенели и осыпались от пуль стекла, пули чиркали или чокались о стены. Пришлось орудие поставить под аркой, где было относительно спокойней. Но здесь имелось неудобство для прицела в виде Александровской колонны и фонарей около нее.

— Наводите. Постарайтесь, чтобы снаряд влетел во двор. Это сразу снимет все их пулеметы. Только не ахните в колонну.

Был ли неискусен наводчик или повлияла крайняя близость расстояния, но наш выстрел, как я обнаружил на следующий день, попал правее ворот, в самый верхний карниз, и, пробив его, пролетел, по-видимому, через чердак, упав где-то в помещении набережного корпуса, пробив потолок верхнего этажа. Особого вреда он, кажется, не причинил никому, но все же имел некоторое моральное воздействие. По крайней мере, пулеметы на дворцовом дворе примолкли на время, и потом оказалось, что их сочли за благо снять со штабелей дров, на которых они стояли. От выстрела с окон арки и прилегающих домов прямо на нас посыпались градом осколки стекол.

Это был единственный сильный выстрел по Зимнему, так как крепость и «Аврора» стреляли холостыми зарядами.

Мы полагали, что одного этого выстрела достаточно, и отправили орудие на место. Мы хотели пройти через площадь к дворцу, однако стрельба из Зимнего возобновилась, и нам пришлось вернуться, чтоб объехать на автомобиле с другой стороны.

Поворачивая с Морской на Невский, мы увидели идущую к нам навстречу толпу людей человек в триста совершенно штатского вида. Они шли в сопровождении нашего офицера и нескольких

солдат. Выехавший им навстречу из-за угла морской грузовик с матросами заставил их остановиться.

Я сейчас же приказал начальнику взвода, бывшего в прикритии к орудию, и другим нашим солдатам, тут находившимся, быстрее стать в цепь поперек Невского и, если эта толпа будет пытаться идти дальше, не пропускать.

— Нас мало, пожалуй, не сдержим.

— Сдержите. В случае напора — прикладами. Тут наши недалеко, сейчас подзовем.

И я попросил какого-то товарища побежать и привести сюда остальные взводы этой роты.

Когда я подошел к толпе, услышал нервные, взволнованные голоса:

— Как не можете, почему не можете? Мы — мирная делегация.

Эти люди обращались к находившимся на грузовике матросам.

— Мы ничего не знаем. Мы патруль, — отвечали матросы. — Обратитесь к здешнему начальству.

Тогда женский голос умоляюще воскликнул:

— Гражданин офицер! Да поймите же наше положение... Я вас умоляю!

Но офицер возразил:

— Я уже вам сказал, что я не могу. Тут есть начальник, сейчас приедет. Обратитесь к нему.

— Где же начальник? Кто здесь начальник? Попросите его сюда! — плачущим, надрывающимся голосом восклицала женщина.

Кто-то сказал:

— Вот пришел начальник.

Передо мной расступились. Матрос на грузовике сказал громко:

— Тут есть начальник. Давай — поехали!

Автомобиль затарахтел, пыхнул бензином и ушел.

Ко мне обратилось сразу несколько человек, но я прежде всего обратился к офицеру — это был поручик:

— Как вы смели пропустить эту толпу через мост? Немедленно давайте сюда команду. Оцепить и вывести дальше.

Офицер, козырнув, сказал: «Слушаю» — и побежал.

— Гражданин начальник, позвольте... Выслушайте...

— Кто вы? В чем дело?

— Мы мирная делегация... члены Комитета общественного спасения из городской думы. Видите, мы же безоружны... Среди нас женщины... Видите — у нас белый флаг... мы идем в Зимний дворец умолять правительство прекратить кровопролитие.

Я ответил, что не знаю такого комитета и не пропущу.

— Но, надеюсь, вы городскую думу знаете? Мы все — гласные городской думы. Мы — народные представители. Я — гласный Постников... вот мои бумаги... Вы не имеете права задерживать представителей города.

— А я такой-то... Я — доктор такой-то (не помню имен).

— Я — городской голова. Я — член ЦИК. Я — министр.

— Пустите, я ему скажу.

Ко мне выдвинулась пожилая, почтенная женщина:

— Я вам скажу... Я женщина... Вы послушайте женщину... Я — графиня Панина... Вы, наверное, знаете Народный дом графини Паниной? Я всю жизнь работаю для народа... Вы должны нас пропустить. Мы будем на коленях умолять правительство окончить это ужасное человекоубийство... Я и вас буду умолять на коленях...

— Бесплезно, — прервал я. — Вы туда не пойдете. Да это было бы для вас и небезопасно: слышите, там стреляют.

— Пусть стреляют. Мы высоко поднимем белый флаг, они увидят... Мы во что бы то ни стало обязаны быть там. Мы пойдем силой.

— Если вы пойдете силой, то я прикажу вас прогнать силой же, прикладами.

— Вы на это не решитесь!

— Прошу вас идти обратно. Мне некогда.

В это время подошла еще колонна солдат. Завернула по команде налево, отрезая стеной улицу. Это закончило разговор.

— Вы — человек без сердца! Помните: это вам говорит старая женщина. Пойдемте, господа! Подчиняемся насилию.

— Это гнусное насилие!.. Мы покоряемся грубой силе!.. Это бандиты какие-то!.. Что вы хотите — большевики! Чего от них ждать! Пойдем в Смольный!.. Пойдемте, будем жаловаться!

С таким ропотом пошли они обратно, а я велел патрулям проводить их до Казанской площади. Роту я оставил на этом месте, на углах Морской. Надо было ехать, но я не упустил сделать выговор поручику:

— Разве это служба? Так несут боевую службу? Любая банда пойдет, а вы будете с ней фигли-мигли разводить! Вы не офицер, а... Будете отвечать вместе со своим командиром.

Он оправдывался тем, что его смутил белый флаг и безоружность толпы. Кроме того, на них не обратили внимания и патрули, потому что шли они по обоим тротуарам и, соединившись уже у самого моста, пошли очень быстро...

— А что, если б у них было оружие под платьем и они захватили бы на мосту орудие? Пришлось бы вас расстрелять без суда.

— Я понимаю свою оплошность и вину. Но больше уж это не повторится.

Подвойский уже сидел в автомобиле, и я направлялся к нему, когда ко мне подошел офицер:

— Разрешите доложить... Я — командир этой роты. Вы меня отстранили? У меня была чрезвычайная, важная причина... Я отсутствовал только сорок минут.

— Мне сейчас некогда. Мы поговорим завтра. Пока можете отправляться домой.

Больше я не встречал его никогда. Думаю, что он вспоминал меня затем без особенного удовольствия, хотя мои угрозы и остались без осуществления.

Мы — Подвойский, Благоднаров и я — подъехали к Эрмитажу и, остановив автомобиль, направились на площадь. Перестрелка продолжалась. У правого подъезда толпились группы солдат разных полков, матросов и рабочих, пытаюсь открыть двери. Вдруг чьи-то пули посыпались в эту сторону, у ворот дворца раздались крики — там пытались взять штурмом ворота. Сразу все отпрянули к Миллионной улице и стали залегать за прикрытия. Нам пришлось тоже отойти. Вскоре вдоль стены дворца пробежало несколько человек.

— Идите к воротам. Юнкера сдаются, требуют начальника.

Около ворот была довольно большая смешанная толпа наших. Сюда уже подбежал Чудновский. Раздавались разные выкрики, ругань. Ругались за воротами во дворец, и женские голоса кричали:

— Не дадим вам уйти. Стрелять будем в... Сволочь! Юнкеришки!

Наши отсюда подбадривали:

— Не бойсь, выходи. Все равно уже дворец взят.

— Врете! Вы — сволочи, большевики! Уйдите, бить вас будем!

Это волновались женщины-солдаты, не позволявшие уйти юнкерам и не дававшие открыть ворота.

На углу, у правого подъезда, раздались громкие крики:

— Ура! Вали, вали!

Это отворилась дверь, которую распахнули изнутри вошедшие со входа от набережной моряки и солдаты.

В дверь хлынул поток людей.

— Я побегу туда, примите юнкеров, они сдадутся! — крикнул Чудновский, убегая.

Юнкера действительно отеснили ударниц от ворот и передние возились с запорами, а сзади них остальные стояли в рядах колонной.

Ударницы галдели и кричали:

— Не дадим выйти! Изменники! Уходите, черт с вами, только винтовки и патроны оставьте. Труссы!

Юнкера, по-видимому, решили уйти во что бы то ни стало. Они почти не отвечали, мрачно помалкивая. Наконец ворота приоткрылись на ширину заложённой основательной цепи, которой не сбросили. Передние стали подлезать под нее, волоча за собой винтовки, перебирались через сложенную из дров невысокую баррикаду и сейчас же начали выстраиваться. У выходящих юнкеров стали отбирать винтовки, они поначалу сопротивлялись и не отдавали. Несколько ударов прикладами и угрозы всех переколоть подействовали, но некоторые юнкера получили ушибы и раны в голову. Впрочем, тех, которые были сзади, «ударницы» успели обезоружить. Павловцы повели их в свои казармы, оцепив со всех

сторон. «Ударницы» не стреляли в спину, как обещали, но постарались поскорее захлопнуть ворота и бросили к ним поленья, чтобы затруднить открытие.

Оставшиеся у ворот матросы, солдаты и рабочие продолжали уговаривать ударниц:

— Сдавайтесь и вы. Во дворце уже наши. Потом хуже будет. Выходите сейчас же, не тронем... Все равно силой возьмем; ну, тогда всех вас по казармам разведем...

Но они храбрились и отвечали:

— Уйдите к черту! Умрем, но не сдадимся!..

— Уходите, стрелять будем.

И время от времени раздавался выстрел, не причинявший, однако, никому вреда.

Я подумал, что если бы притащить сюда бревно, то можно бы открыть ворота, напугав женщин выстрелами или брошенной гранатой. С этой мыслью я направился к правому подъезду, куда сгрудилась масса наших войск. Двери были распахнуты, и вся лестница занята людьми. Я протискался на площадку. Там Чудновский хлопотал у закрытых дверей, которые не поддавались напору. Слышались возгласы:

— Топор надо!.. Кто бы принес топор?

— Гранату бы...

— Осторожно с гранатой: вишь, народу сколько!..

— Слесаря надо!

— Еремеев, нельзя ли топор или лом какой-нибудь!

— Поскорей, голубчик! Наши уже там, с того входа...

Я вытеснился обратно, раздумывая о топоре, ломе и бревне. Некоторые солдаты уже бегали по соседству к преображенцам, но входы там были закрыты, а часовые сказали, что солдаты уже спят и искать некому. Проще всего было достать в Павловском полку. Мой автомобиль, оказалось, не уехал, а стоял у Эрмитажа.

— Что ж не уехал?

— Да уж больно интересно. Что, взяли дворец? Я видел — юнкеров вели.

— Вошли туда наши, да дальше все двери заперты, нужен лом и топор, поедem, привезем из полка.

Мигom были около полка. Стоящие тут солдаты сейчас же обступили с расспросами. Я объяснил насчет топора, и шофер вызвался моментально его туда доставить. Два-три солдата ушли во двор искать.

Подошел ко мне один офицер и сказал:

— Хорошо, что вы приехали, можете принять меры. Тут юнкеров избивают.

— Где юнкера?

— На дворе. Я видел окровавленные лица.

Пройдя во двор, я убедился, что юнкеров окарауливают, но около них нет любопытствующих, тем более враждебных солдат. Партиями их отводили в полевой штаб и в канцелярию полкового

комитета. Я сказал тов. Дзенису о заявлении офицера, но он ответил, что офицер врет. Правда, у некоторых разбиты головы и лица, но их такими и привели, и фельдшер оказывает им помощь.

— Их, сволочей, не так бы надо бить,— сказал кто-то.— Насовали оружия во все карманы и не сдают. Пришлось обыскивать.

Действительно, при мне вытаскивали у юнкеров из карманов револьверы, в большинстве по два револьвера. Целая куча лежала на столе и окне — русские наганы, наганы испанские, браунинги. Кроме винтовок их снабдили еще основательным вооружением. У некоторых были и гранаты, но без вставленных запалов. Юнкера просили их отпустить, обещая, что они уйдут в школу и лягут спать, но мы решили держать их, пока все кончится.

Моего шофера не было, но другой, бывший тут, предложил:

— Я вас свезу. Хочется поглядеть. Стою тут давно и ничего не видел.

Подъехали. Занят весь дворец. Приехал товарищ Подвойский и товарищ Антонов — они там... Ударницы все еще не сдают, заперлись во дворе и продолжают стрелять.

Я вошел было во дворец, но остановился, так как навстречу мне густо шли люди.

— Министров арестовали! Министров ведут!

Вышли на площадь. Товарищ Антонов организовал конвой из смешанных наших отрядов и требовал революционного порядка. Порядок установился, и министров повели.

Вслед слышались восклицания:

— Что их вести? Пристрелить — и конец. Сколько зла они сделали России.

Но, конечно, против этого были и возражения.

Н. И. Подвойский сказал мне:

— Ну, теперь конец. Тянули долго, да теперь будет крепко. Во дворце комендантом оставлен Чудновский. Посмотри там, не надо ли ему помочь, а я поеду в Петропавловку. Гостям квартиры отводить.

Я опять вошел во дворец и увидел Чудновского, расставляющего караулы.

— Поздравляем! — воскликнул он.— Я в восторге, как удачно вышло. Без кровопролития. Без жертв.

— Мы еще не знаем. Где-нибудь, может, еще лежат раненые или убитые. На площади подняли несколько раненых.

— Но немного. Я не знаю пока ни одного случая. Теперь самое важное — очистить от людей дворец, организовать охрану.

Я сказал ему, что во дворце остался женский батальон. Надо на них воздействовать изнутри дворца и разоружить.

— Хорошо. Идите наружу и позаботьтесь об охране. А мы их пугнем. Вот только часовых еще поставлю.

Когда я вышел на площадь и подошел к воротам, они уже были открыты, и толпа женщин в солдатских фуражках, гимнастерках

и штанах высыпала на площадь. Тут скопилось много моряков и солдат. Много их также вбежало в ворота и заполнило дворцовый двор. Шел разговор и даже спор: отпустить или отвести куда-нибудь, и, кажется, матросы хотели их конвоировать в казармы 2-го Балтийского экипажа, считая своей военной добычей. Но павловцы настаивали, что они отведут их туда же, куда отвели юнкеров.

— Нам приказано вести их в штаб.

— Какой штаб? У нас тоже штаб.

— В какой — в революционный. Он сегодня у нас помещается.

Тут оказался командир роты павловцев, который старался собрать своих в строй. Ему я и поручил оцепить бывших ударниц и отвести в штаб. Недовольные поворчали, но затем смирились.

Женщин-солдат окружили и повели.

— Пошли-поехали! Павловские невесты! — кричали вслед ударницам матросы.

— Сегодня павловцы жениться будут. Павловцы, зовите на крестины. Невесты, веселей, с песней!

Но бедным «невестам» было не до песен. Их недавнее оживление перешло в подавленное состояние. Невесело пошли под градом насмешек, кое-как построившись в ряды. Ничего воинственного в них уже не было.

Только что пришел я в штаб, как приехал Н. И. Подвойский.

— Я хочу объехать кругом, посмотреть, как обстоят дела. Поедем вместе.

Я попросил своих сотоварищей по штабу отпустить юнкеров, но не в строю, а вразбивку, чтобы шли по домам, и принять арестованных ударниц да проследить, чтобы наши солдаты с ними не охальничали.

Сказали, что поместят их в помещение маршевой роты до распоряжения.

Мы поехали по линии оцепления, где еще находились роты, и отпустили их, велев снять все заставы. Отпустили полубатарею. На Невском было уже совсем безлюдно.

Затем мы проехали в казармы 2-го Балтийского экипажа. Там было очень оживленно, все еще толковали, обсуждали события дня. Пока мы беседовали в канцелярии комитета, пришли матросы с сообщением, что привели двух генералов. Матросы, узнав, что Керенский не попался, полагали, что он спрятался и затем попытается уйти. Обыскав дворец и не найдя его там, они решили покараулить, и несколько десятков человек патрулировали по окраинам площади и у Александровского сада. Было захвачено несколько человек, которых опросил комитет экипажа и отпустил. Но на этот раз попались «хорошие люди», о чем патрульные и возвестили торжествуя.

— А нуте, ведите их сюда скорей, — сказал Подвойский. Ввели двух почтенных господ в штатских пальто и шапках. Матрос распахнул пальто одного из них и сказал:

— Вот полюбуйтесь!

Действительно, под штатской внешностью оказался генерал в форме.

Он стал довольно несообразно бормотать о том, что он со своими знакомыми случайно был в гостях в Зимнем дворце и ввиду суматохи не могли уйти, а когда стало потише, они вышли, но их забрал матросский патруль. А служат они в Генеральном штабе.

— Обыскивали их? — спросил Н. И. Подвойский.

— Нет еще.

— Так что же вы? Надо обыскать.

Достали из карманов браунинги. Вынули бумаги: у одного оказалось удостоверение — генерал-майор Багратуни, начальник штаба округа. (Потом обнаружилось, что он был назначен командующим войсками округа вместо «неспособного» полковника Полковникова.)

— Ишь, гуси! А прикинулись червячками! Мы ничего, мы в картишки в гостях играли!

Моряки, видно, были рассержены.

— Расстрелять их надо, гадов.

— Нет, позвольте, — вмешался тов. Подвойский. — Это нельзя. Они деятели контрреволюции. Их надо доставить в Смольный. Судить их будем.

Но моряки возражали: наша добыча, мы их дуванем. После уговоров согласились доставить их завтра.

— Не завтра, а сегодня. Сейчас, — решил Н. И. Подвойский. — У вас тут, наверно, найдется машина?

— Да, вот мы на грузовичке приехали.

— Ну так вот: комитет, наряжайте надежней конвой и отправляйте. Да смотрите, товарищи, кто повезет, доставьте как следует. Глядите в оба, чтоб не сбежали. А то будете отвечать перед Военно-революционным комитетом.

Собрали конвойных и при нас повезли генералов в Смольный. Поехали и мы. Везде уже было тихо, только кое-где расходились по домам группы вооруженных людей. На Дворцовой площади, недавно еще такой шумливой и гремящей выстрелами, было тихо. В Зимнем дворце еще горели огни.

— Поедем в Смольный, здесь уже нечего делать, — предложил Н. И. Подвойский, когда подъехали к Павловскому полку.

— Мне еще нельзя, есть разные мелкие дела. Ты, как будешь проезжать мимо Инженерного, объяви, кто ты, и скажи, чтобы застава убирала патрули и шла домой.

— Могут не послушать.

— А ты им скажи наш пароль. Вот на бумажке тут написано.

— Хорошо. До свидания... Какой прекрасный день!

Я вернулся в штаб. Товарищи там хлопотали все с разными делами.

— Ну поздравляю: все кончено. Посылайте отзывать заставы. Наверно, клянут нас здорово.

— Ничего. Все они были со сменами. Каждая рота хотела участвовать. Мы так устроили, что участвовали все.

Тов. Дзенис раздобыл чаю и предложил мне. Я с утра не пил и не ел, и чай с хлебом показался очень вкусным. Было часа три ночи...

Итоги происшедшего. Так я и не мог подвести на бумаге этих итогов. Итоги чего? Все это вчера были мелочи, необходимые действия, нужная суета. Множество было эпизодов, вытекающих прямо из нашего революционного быта. Мелочи революционной жизни, без которых вообще не обходится жизнь.

Но итоги происшедшего были.

Ильич вернулся. Он вчера выступал в Совете. Не он ли был пророком на площади Финляндского вокзала в апреле? Его приезд, встреча вооруженными рабочими, моряками, солдатами оставили неизгладимое впечатление. И его речь с броневика: «Да здравствует социалистическая революция!»

И день 25 октября, как последнее звено цепи, протянутой от площади вокзала до площади дворца.

И вот итог: Всероссийский съезд Советов постановил под аккомпанемент ружейной и пулеметной стрельбы:

«Вся власть на местах и в центре переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 270—308